

ПО СЛЕДАМ СЕГОДНЯШНИХ РАБОТОРГОВЦЕВ

ФОЛЬКО КВИЛИЧИ

В ПОИСКАХ КАРАВАНА НЕВОЛЬНИКОВ

СУЩЕСТВУЮТ ли в наши дни рабы — мужчины и женщины, которые, как вещи, свободно продаются и покупаются?

Чтобы ответить на этот вопрос, я и моя супруга совершили длительное путешествие по девяти странам Африки. В поисках следов рабства мы исколесили по безлюдным пустыням более пяти тысяч километров. Должен признаться, что вначале я сомневался и не верил в успех нашей миссии. Трудно представить себе, что в наш век, век атома и космических дерзаний, может процветать торговля людьми.

Однажды мы очутились на борту небольшого военного самолета, летевшего в районы, где, по сообщению властей Республики Чад и Камеруна, можно было встретить то, что нас интересовало.

Во время своих предыдущих поездок в Африку я уже сталкивался с некоторыми формами проявления рабства. Особенно бросалось в глаза бесправное положение женщины, которая является личной собственностью мужа и, беспрекословно повинувшись ему, вынуждена нести на своих плечах все тяготы работы в поле и дома, так как мужчины считают физический труд унизительным для своего мужского достоинства. Мне приходилось наблюдать пережитки некоторых мусульманских обычаев, таких, как «ламидох», когда одна категория людей пользуется правом пожизненно эксплуатировать других.

Колониальное господство закрепило примитивный жизненный уклад африканских народов. Веками под властью колонизаторов процветала работорговля. И сегодня молодым государствам Африки трудно, да и практически невозможно ликвидировать в короткий срок то, что европейцы поддерживали более или менее открыто в течение многих столетий. Проблема рабства в Африке имеет глубокие исторические корни, она тесно связана со

сложившимися здесь в результате многовекового господства колонизаторов своеобразными социальными взаимоотношениями людей.

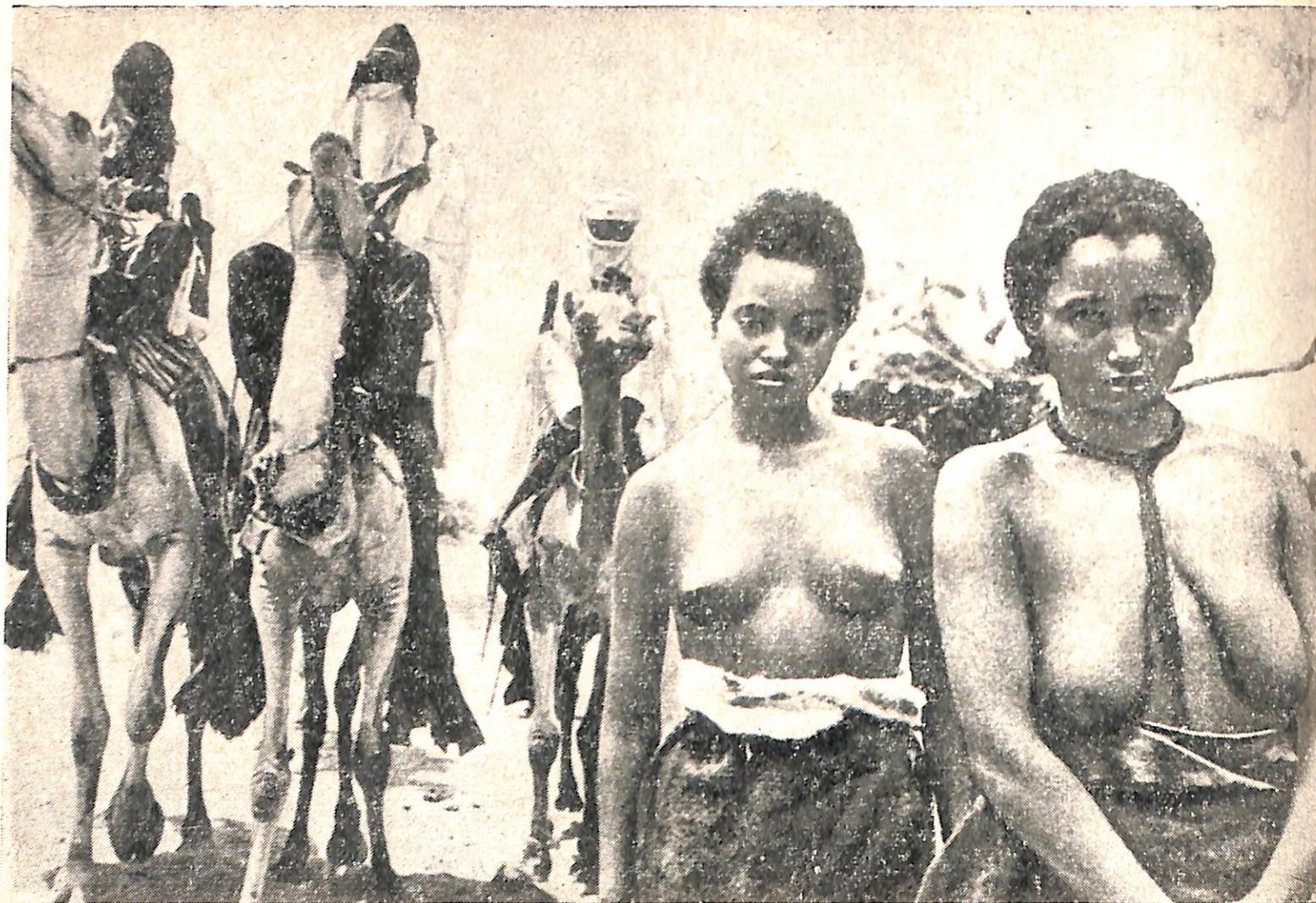
Сегодня, как и раньше, по бесконечным песчаным пустыням, отделяющим территорию Республики Чад от Судана, пролегают караванные пути. Они соединяют сердце Африки с Красным морем, за которым лежит Саудовская Аравия, прославившаяся как один из процветающих рынков работорговли на Среднем Востоке. Сюда ведут все дороги торговцев живым товаром, а для борьбы с ними на границах Восточной Африки дежурят специальные патрульные отряды. Сложна их задача. Они обязаны контролировать границы протяженностью почти в пять тысяч километров.

И вот под нашим самолетом появились первые очертания горных вершин Эннеди, что лежат на границе Судана. Сухая жара и ветры превратили их в гладко отшлифованные гигантские арки из камня.

На следующий день мы отправились в свой первый поиск каравана работорговцев. Узкая дорога, разрезавшая пополам горный гранит, вывела нас к границам Восточной Африки. Мы ехали в сопровождении небольшой группы французских солдат, так как Республика Чад пока еще не располагает своими офицерами и солдатами, подготовленными для патрульной службы.

Патрульная группа получила сообщение от воздушной разведки, что у водоема Гарван остановился неизвестный караван, направляющийся к суданской территории. Офицер объяснил нам, что Гарван — единственный водоем на 400-километровом пути от Чада до Судана, поэтому все караваны, следующие в этом направлении, обязательно останавливаются здесь. Караван, который обходит Гарван, берется под подозрение: ведь даже самые опытные караванщики не рискуют отправляться в столь дальнее путешествие без воды. На такой риск решаются только контрабандисты. Караван, на перехват кото-

Фолько Квилочи — итальянский журналист и кинооператор. В своих путевых заметках «По следам сегодняшних работорговцев», опубликованных в еженедельнике «Иллюстрейтед цикли оф Индиа», он рассказывает о позорнейшем явлении XX века — работорговле и рабстве, которые продолжают процветать в наши дни в ряде стран Африки и Саудовской Аравии. Во время своего путешествия автор собрал интересный фактический материал и пришел к выводу, что рабство порождается не только экономической отсталостью этих стран, что это результат колониального господства. Очерк дается в сокращенном переводе.

На пути к невольничьему рынку.

рого направлялась наша группа, не вызывал особых подозрений. Наконец через восемь часов езды мы добрались до Гарвана. Караван продолжал еще отдыхать у водоема.

Наше появление, казалось, не вызвало беспокойства у караванщиков, набравших ведрами живительную влагу. Солдаты подошли к верблюдам и начали осматривать вьюки. Чтобы избежать провокаций и столкновений, осмотр проводился без оружия: оно лежало в грузовике. Подобно таможенным властям, солдаты интересовались контрабандными товарами с той лишь разницей, что вместо тайно провозимых сигарет или спиртных напитков искали «живой товар» — людей.

После двухчасового безрезультатного осмотра один из патрулей неожиданно подозвал к себе офицера и начал ему что-то шептать. К ним подошли и остальные. Оказалось, что неподалеку от колодца он обнаружил небольшую пещеру. Мы тотчас же направились к ней. Караванщики, как и прежде, не обращали на нас никакого внимания.

В пещере стоял мрак, и лишь случайно проникавшие сюда отблески солнечных лучей выхватыва-

ли из темноты беспорядочно разбросанные, покрытые мешками огромные тюки, охраняемые вооруженным караванщиком.

— Проверьте тюки, — распорядился офицер. Солдаты разбросали мешки с первого тюка. Вместо товаров под ними лежали распластанные на песке мальчики, которые удивились не меньше нас. Но вот они зашевелились и, громко плача, со всех ног пустились в дальний угол пещеры. В других тюках мы обнаружили десятки красивых девушек и совсем маленьких детей, которые испугались не меньше, чем мальчишки. Они дрожали от страха, уставившись на нас широко открытыми влажными глазами. Дети походили на загнанных в клетку зверей.

Мы были поражены. Правда, впоследствии нам еще не раз приходилось наблюдать подобные картины и поражаться варварству наших дней. Когда караванщиков спросили, почему так испугались дети, они без тени сомнения заявили, что виноваты в этом мы. Дети якобы укрылись под мешками при виде нас. Тогда офицер отряда задал прямой вопрос: «Почему у некоторых детей на руках стальные наручники?» Но и этот вопрос не смутил караванщи-

ков. Они объяснили нам, что сейчас дети стали избалованными и, чтобы не помогать старшим во время привалов, пытаются убежать в пустыню.

— А вам известно, что ожидает их в пустыне, — философски заключил один из караванчиков. — Верная смерть от палящего солнца и жажды. Чтобы спасти их от гибели, нам приходится надевать на некоторых, наиболее непослушных ребят наручники.

Офицер прервал пустую болтовню и пригласил руководителя каравана следовать на военную базу для выяснения его подлинной личности и рода занятий.

Везли ли этих мальчиков и девочек в Саудовскую Аравию для продажи, или же действительно, как утверждали караванщики, это их дети — выяснится значительно позже, после длительного и тщательного расследования. Вполне возможно, что работорговцы предстанут перед столичным лагосским судом или же судами африканских стран, откуда везли будущих рабов.

Впоследствии я был свидетелем таких судебных процессов в столице Нигерии — Лагосе. На одном из них обвинялся некий бакалейщик, купивший четырех мальчиков. Обвиняемый защищал себя весьма просто и с невероятным спокойствием: он не виноват, так как ничего не украл, а полностью заплатил за товар. Он не понимает, чего хотят от него судьи. Он честный и всеми уважаемый бизнесмен.

За окнами нашей комнаты в лагосской гостинице открывалась панорама каркасов современных небоскребов. Сегодняшний Лагос — гигантская стройка, на которой, как грибы, вырастают новые улицы и дома. С карты города постепенно исчезают целые кварталы и районы с прежними убогими лачугами. Все шире развивается торговля и культура, бурлит политическая и научная жизнь. Но здесь сильны еще пережитки колониального прошлого. Один из них — работорговля. Безусловно, она производится тайно, так как жестоко преследуется и карается законом. Удивляет, однако, что на суде, как и во времена английского господства, не чувствуется ее страстного общественного осуждения. Спокойно восседающие на высоких стульях судьи в белых париках не делают существенного различия между разбором дел, связанных с работорговлей, и обычными мелкими правонарушениями.

Правда, местная печать старается широко освещать подобные процессы. На страницах газет то и дело появляются сообщения о подпольной деятельности работорговцев. Так, например, «Дейли экспресс» в номере от 14 января 1963 года напечатала статью «Пять человек обвиняются в работорговле», где подробно осветила раскрытие их преступлений. Другая газета, «Дейли таймс», в статье «Можно ли продать женщину за долги мужа?» рассказала о судебном процессе в лагосском суде над неким лесоторговцем Сидики Десанво, который за долги продал жену.

Через несколько дней в той же газете «Дейли экспресс» появилось новое сообщение, на сей раз о том, что судья отклонил апелляцию родителей, требовавших через суд от зятя выплаты «компенсации» за свою дочь. Суд мотивировал свое решение тем, что практикуемая ныне система калымов превращает бракосочетание в обычную торговую сделку.

В другой статье «Торговля людьми» газета «Дейли таймс» писала, что два друга, 50-летний Ламиди и 46-летний Якоб Фоларин, торговали «живым товаром». В качестве примера приводился факт продажи ими двух мужчин и одной женщины по 600 фунтов стерлингов за каждого. Их покупателями, как сооб-

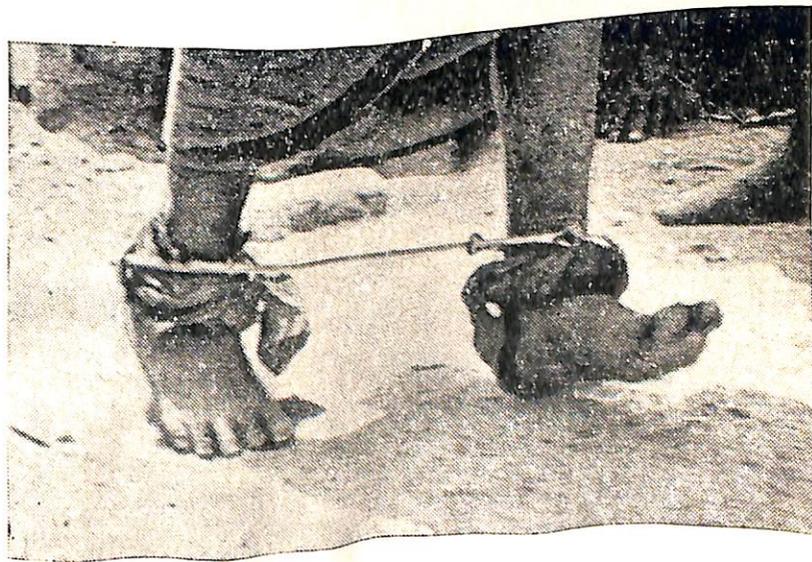
щала газета, был полицейский Абескутского района столицы Джозеф Олоеда и двое неизвестных.

С детства мы представляем себе такую картину: длинные колонны закованных в цепи рабов — мужчин и женщин, которых кнутами и нагайками загоняют на корабли. В прошлом действительно было так. Сегодня, с изгнанием с африканского континента колонизаторов, таких картин уже не встретишь. Торговля «живым товаром» ведется более утонченными методами. Во время своего путешествия я неоднократно наблюдал, как осуществляется принцип «добровольного» рабства, когда целые племена из-за куска хлеба или в силу своих отсталых религиозно-социальных обычаев и традиций вынуждены становиться рабами.

«ДОБРОВОЛЬНОЕ» РАБСТВО

Типичный пример такой формы рабства — похищение самых чернокожих африканцев — фульбе. Фульбе — племя пастухов, выходцев из долины Нила. Они обладают огромной физической силой. У фульбе нет своего скота: многотысячные стада овец и верблюдов, которые они водят по расположенным между Сахарой и Восточной Африкой степям сахеля, принадлежат арабам-скотопромышленникам из прибрежных районов Аравийского полуострова. Эти выжженные солнцем, бесплодные земли покрываются зеленым одеялом травы «крам-крам» только во время сезона дождей, который длится здесь с августа по сентябрь. Вместе с зеленью приходит пора отдыха для фульбе. В эти месяцы они не кочуют, а собираются вместе, чтобы отметить праздники, избрать вождей племени, сыграть свадьбы и самое главное — предложить богатым арабским скотоводам свои услуги в качестве пастухов.

В сезон дождей, когда начинает выглядывать первая трава, фульбе сдают своеобразный экзамен — «шарот» на получение звания пастухов. Они должны продемонстрировать свою выносливость и готовность к самопожертвованию: арабы доверяют скоту лишь тем, кто докажет свою способность храбро и самоотверженно защищать его от любой опасности. Выдержавшие экзамен фульбе переходят в личную собственность арабских скотопромышленников и фактически становятся их рабами. Однако

фульбе не волнует их будущее. Они довольствуются тем, что получают работу и избавляются от страха голодной смерти.

За многие столетия фульбе свыклись со своим бесправным положением. С незапамятных времен на них охотились те же самые арабские скотоводы и купцы, тысячами заковывали в цепи и отправляли на рынки рабов. Сегодня изменились лишь формы закабаления: фульбе, как и раньше, продолжают оставаться рабами. Если в прежние времена их ловили, как зверей, и силой угоняли в рабство, то в наши дни на этот процесс наброшена вуаль «добровольности». Видимость добровольности создают «шароты».

ЭКЗАМЕН НА ВЫНОСЛИВОСТЬ

Я присутствовал на церемонии «шарота» в Нигере. Экзамены проводятся рано утром, с восходом солнца. Кроме непосредственных участников, на них присутствуют сотни наблюдателей. К будущим кандидатам в пастухи на конях подъезжают купцы-скотоводы — обычно это арабы из стран Аравийского полуострова. Они пристально рассматривают молодых, пышущих здоровьем людей.

Напротив меня стояли молодые фульбе. Их черные спины были покрыты густой сетью глубоких шрамов — свидетельство того, что они подвергнутся экзамену не впервые. Улыбаясь, ко мне подошел вождь племени и, указывая на их зарубцевавшиеся шрамы, сказал:

— Чем больше шрамов на спине у экзаменуемого, тем больше у него шансов получить работу и заслужить благосклонность женщин.

Церемония начинается с пения, его сопровождают монотонные звуки рожков. Спустя некоторое время игру музыкантов прерывают громкие удары тамтама. Вождь племени подает сигнал к началу «шарота».

Две группы участников «шарота», по шесть человек, становятся друг против друга. Каждый держит в руке связанный твердыми узлами упругий липомахивает им в такт примитивной музыке, слегка менующиеся окружены плотным кольцом молодых девушек. В круг выходит первая пара молодых. Неожиданно один из них наносит своему сопернику сильный удар кнутом. На какое-то мгновение на черной коже проступает белая полоска, которая затем превращается в кровотокающий рубец. По традиции получивший удар первым лишается права на защиту. И если он желает стать пастухом, то обязан не показывать виду, что ему больно. Раненая жертва действительно улыбается, и лишь огромные капли пота на лбу говорят о том, что улыбка дается ценой нечеловеческих усилий. К нему подходит один из музыкантов и любовно вытирает платком выступившие капли.

После первого удара следуют другие, все сильнее и сильнее. И так продолжается до тех пор, пока избиваемый не покроется сплошными кровавыми полосами. В это время арабские купцы внимательно следят за тем, как ведет себя молодой фульбе и насколько он вынослив.

Время от времени, в перерыве между ударами, избиваемый становится на колени перед сидящим на коне арабом и, вытягивая руки, со скорбно опущенной головой, словно умоляет его: «Возьми меня. Видишь, какой я сильный, храбрый и выносливый,

даже ни разу не вздрогнул». Эта церемония иногда длится часами.

Никто, даже и сами фульбе, не может толково объяснить сущность «шарота». Правда, один из священнослужителей фульбе рассказал мне, что «шарот» — не просто демонстрация силы и выносливости перед выбирающими себе рабов богатыми арабскими купцами, но и воскрешение картин прошлого, когда арабские работорговцы избивали молодых фульбе и угоняли в рабство. Это скорее всего — победа храбрости над силой и насилием.

Смесь во время экзекуции в лицо арабам, фульбе как бы говорят: «В свое время вы увозили нас силой. Сегодня мы сами предлагаем себя в рабство. Но сегодня, как и раньше, в рабстве будут лишь наши тела, наш дух останется свободным. Никакая боль, даже самая огненная, не сможет заставить нас заплакать. Мы улыбаемся даже тогда, когда нас заковывают в цепи и отправляют на вечную каторгу, потому что мы фульбе. Столетиями мы кочуем от одной пустыни к другой, от одной равнины к другой, постоянно находясь среди злых людей, но тем не менее фульбе никогда не знали страха».

Такое разъяснение уродств «шарота» свидетельствует о драматизме и жестокости судьбы когда-то сильных и гордых, свободолюбивых людей, которые из-за нищеты и голода вынуждены сегодня на коленах просить тех же арабов принять их в рабство. Безвыходность заставила фульбе пожертвовать свободой и согласиться на любые условия работы и наказания ради куска хлеба. На мой взгляд, в этом противоречии между гордостью и раболепием, храбростью и вынужденной слабостью и кроются причины «добровольности» рабства в сегодняшней Африке.

Переезд в новую африканскую страну дал нам возможность познакомиться с другой разновидностью рабства, которая, хотя и совершенно отлична от вышеописанной, зиждется на таком же противоречии. В районах центрального горного хребта и плоскогорья, расположенных в северной части Камеруна, обитают племена кирди. Это свободолюбивый народ, отличающийся гордостью и бесстрашием. Кирди борются с проявлениями любых форм рабства. Но вместе с тем они строго соблюдают законы и обычаи своего племени, фактически узаконивающие рабство. Например, они не считают рабством то, что все женщины по традиции племени должны находиться определенное время в качестве невольниц в гареме вождя.

Кирди не носят никакой одежды. Любого члена этого племени, осмелившегося спуститься с гор на равнины, жители долин по неписаным законам имеют право избить до смерти. Местные власти равнинных районов, считая кирди варварами, запрещают им появляться на своих дорогах и в поселениях. По их мнению, голые кирди создают у туристов ложное впечатление о Камеруне и дают повод думать об этой стране как об отставшей в своем социально-экономическом развитии по сравнению с другими африканскими государствами по крайней мере на целую эпоху. Они поставили перед кирди ультиматум: носить одежду, как это делают другие племена Африки, или сидеть в горах, не показываясь в долинах. Однако большинство кирди заявило, что они никогда не согласятся носить тряпки, ибо мужчина выглядит мужчиной только в голом виде, а женщина в одежде теряет свою прелесть. Ультиматум был отклонен всеми членами племени.

(Окончание следует)